

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ
ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

О.Г.БОЛЬШАКОВ

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ
ГОРОД
БЛИЖНЕГО
ВОСТОКА

VII – середина XIII в.

Социально-экономические отношения

Издание второе, дополненное

Москва
Издательская фирма «Восточная литература» РАН
2001

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)4
Б79

ВВЕДЕНИЕ

Ответственный редактор
И.М.Смелянская

Редактор издательства
Л.В.Посувалюк

Большаков О.Г.

Б79 Средневековый город Ближнего Востока. VII — середина XIII в.: Социально-экономические отношения. Издание второе, дополненное. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — 344 с.: ил., карты.
ISBN 5-02-018276-1

Первое в отечественной литературе монографическое исследование демографии, экономики и социальных отношений городов Сирии и Египта VII — середины XIII в., рассматриваемых в широком аспекте роли города в мировой истории. На обширном материале разнообразных источников автор выясняет место города в социальной структуре общества, формы организации горожан, направленность и идеологию народных движений.

ББК 63.3(0)4

Научное издание

Большаков Олег Георгиевич

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
VII — середина XIII в.

Социально-экономические отношения
Издание второе, дополненное

Утверждено к печати

Санкт-Петербургским филиалом Института востоковедения РАН

Редактор *Л.В.Посувалюк*. Художник *Э.Л.Эрман*

Технические редакторы *О.В.Волкова, М.В.Погоскина*. Корректор *Л.Н.Дегтярева*

ЛР № 020297 от 23.06.97. Подписано к печати 01.11.01. Формат 60×90^{1/16}

Усл. п. л. 21,5. Усл. кр.-отг. 21,5. Уч.-изд. л. 25,88. Изд. № 8004. Тираж 800 экз. Зак. № 4817

Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

ППП «Типография «Наука». 121099, Москва Г-99, Шубинский пер., 6

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

ISBN 5-02-018276-1

© О.Г.Большаков, 1984

История раннего средневековья Средиземноморья — история многовекового завоевания античного мира варварской периферией. Сначала в IV—V вв. западная половина Римской империи была смята гигантскими передвижениями целых народов на тысячи километров от мест их прежнего обитания. Быстро возникали и бесследно исчезали обширные царства, решительно менялась этническая карта значительной части Европы. Лишь восточная часть империи, Византия, несмотря на атаки авар, славян и хазар, сумела продержаться еще два столетия, но и она в VII в. едва не исчезла под напором арабского завоевания. Ее наиболее развитые провинции вошли в состав новой мировой державы, Халифата, появление которого завершило становление средневекового мира, начавшееся падением Рима в 455 г. Непрерывное развитие античных традиций продолжалось теперь только на Балканах и в Малой Азии, на остальной территории бывшей Римской империи они подверглись сильным сторонним влияниям и дали начало совершенно новым культурам.

Эта эпоха ставит перед исследователями немало проблем политической истории, экономики, этногенеза, формирования новых языков и идеологий. При всем разнообразии они являются тем не менее различными аспектами одной кардинальной проблемы — связи культуры античности и средневековья, соотношения внутренних и внешних факторов этого перехода

Политические потрясения и движения народов, естественно, сказались на социально-экономическом строе стран Средиземноморья, хотя и не могли сразу изменить его основу. «Каждый раз, когда завоевателем является менее культурный народ, нарушается, как само собой понятно, ход экономического развития и подвергается уничтожению масса производительных сил. Но при длительном завоевании менее культурный завоеватель вынужден в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому „хозяйственному положению“ завоеванной страны в том виде, каким оно оказывается после завоевания» [Маркс, Энгельс, 20, 188].

Наиболее очевидно этот процесс протекал в Западной Европе, где каждый раз, как скатывалась очередная волна нашествия, из-под нее показывались все более размытые, но еще до-

статочны явственные очертания римской цивилизации, продолжавшей жить не только в административно-фискальных институтах, но и в письменном языке и религии. Латынь как язык религии и ее наследники, романские языки, оставались мостом между блестящими временами Рима и самым глухим средневековьем. К тому же в Западной Европе кроме местных генетических связей с античностью существовали постоянные контакты с Византией, прямой наследницей античности, примером и недостижимым образцом для юных варварских государств.

Иное положение сложилось в областях, завоеванных арабами, где мы не видим преемственности античных традиций ни в языке, ни в религии, где облик средневековой цивилизации оказался совершенно непохожим на то, что существовало до завоевания. Конечно, и здесь не могло быть полного переворота в социально-экономических отношениях, однако новый государственный язык и иное идеологическое оформление замаскировали римско-византийскую сущность многих социальных институтов Халифата. Мусульманское общество постаралось забыть об их корнях, поскольку христианство (и связанная с ним культура) было не только поверженным идеологическим врагом в завоеванных областях, но и сильным политическим противником, пока сохранялась Византия. Зато в отличие от Европы, отвернувшейся от скверны языческой премудрости ради благодати христианства, мусульманский мир сумел оценить достижения античной науки и, сохранив их, способствовал приближению нового времени.

Судьбы мусульманской и христианской половин римско-византийского мира, завоеванных варварами, сложились совершенно различно: в Европе свертывается торговля, деградируют города и деревня с ее натуральным хозяйством и сплошной неграмотностью становится символом средневековья. На фоне анемии экономической и культурной жизни Европы особенно контрастно выглядят гигантские города Халифата, высокий уровень производства, развитое денежное хозяйство и дальние экономические связи.

До сих пор нет убедительного объяснения столь различных последствий варварских завоеваний на западе и востоке средиземноморского мира. Мысль А. Пиренна, что причиной упадка Европы было образование Халифата, разорвавшего связи Средиземноморья, от чего больше пострадала менее развитая западная половина, вызвала многолетнюю полемику, которая установила невинность Халифата, но не помогла создать новую концепцию¹. Одно осталось неоспоримым: в течение нескольких веков с Востока в Европу в обмен на сырье шли предметы роскоши и новинки техники, понятия банковского дела и научные идеи, свидетельствуя о культурном и экономическом превосходстве Востока, которое не смогли умалить успехи реконкисты и крестовых походов.

¹ Об этой полемике см. [Rising, 1952; Ashtor, 1970; Ehrenkreutz, 1972].

Однако, пока европейское рыцарство тщетно пыталось силой оружия установить господство Европы над Востоком, во Фландрии и Ломбардии начался быстрый рост городов, вызванный развитием ремесла и торговли; Запад постепенно, но неуклонно стал обгонять Восток, и в конце концов в некогда отсталой Европе создались условия для сложения новой, более прогрессивной общественной формации.

Если подходить к этому выдающемуся историческому событию, ограничиваясь рамками Западной Европы, то причины его представляются лежащими на поверхности: железная логика развития экономики и социальных отношений, углубление разделения труда между городом и деревней, интенсификация труда, расширение производства и торговли неминуемо должны были разложить натуральное феодальное хозяйство и привести к торжеству капиталистических отношений. Однако стоит посмотреть на эту проблему с более широких позиций, как сразу возникает вопрос: если разделение труда между городом и деревней в IX—XI вв. в Западной Европе было предпосылкой развития производства и торговли, а впоследствии и капитализма [Стоклицкая-Терешкович, 1960, 14—17, 37—40; Всемир. истор., 3, 182, 342], то почему же капитализм сложился в Западной Европе, а не на Востоке, где уровень развития производительных сил и товарно-денежных отношений в те же века был значительно выше?

Отставание Востока не удается объяснить ни влиянием Великих географических открытий, которые были следствием, а не причиной прогресса Западной Европы в XIII—XV вв., ни крестовыми походами, которые, по мнению А. Пиренна, родившись как движение против засилья мусульман в торговле, восстановили связи Европы с Восточным Средиземноморьем и помогли преодолеть последствия раскола, начавшегося в VIII в. [Рейснер, 1951; Pirenne, 1927, 82—84].

Преувеличение роли торговли в подъеме Европы характерно для многих западноевропейских исследователей. Наиболее прямолинейно эта позиция выражена у М. Ломбара, который сводит все дело к перекачке золота сначала из Западной Европы на Восток, а затем — обратно, когда Восток стал испытывать недостаток в сырье, особенно в корабельном лесе, из-за нехватки которого мусульмане упустили из своих рук гегемонию в средиземноморской торговле [Lombard, 1957; 1958; 1971, 103—147].

Дань этому отдает даже К. Каэн, наиболее глубокий исследователь социально-экономических отношений Ближнего Востока, когда усматривает причину отставания Востока в том, что его господствующий класс, имевший в своем распоряжении огромные массы денег и возможность купить извне любой товар, не был заинтересован в развитии производства, тогда как на Западе не было денег для закупок со стороны и приходилось заниматься увеличением производства на месте [Caen,

1970, 34–35]. Остается только неясным, почему Восток, истратив все золото на покупку европейских товаров и обеднев, не взялся, в свою очередь, за развитие промышленности?

Конечно, в сложной системе социально-экономических отношений, охватывающих производство и обмен, отношения между людьми и природные условия, где все эти факторы не просто взаимосвязаны, но в процессе развития меняются местами в цепи причинно-следственной связи, трудно выделить один решающий фактор. Однако ясно, что он связан не со сферой обмена, а с кардинальными явлениями производства, которые пока остаются нераскрытыми из-за недостаточной изученности экономики Востока и тенденции большинства исследователей мерить все явления за пределами Европы все тем же европейским шаблоном. При этом одинаково бесплодны и попытки отказать Востоку в способности развития, и стремление непременно отыскать в его истории как можно больше тождества с Западной Европой.

Этим стремлением как-то затушевать бесспорный факт отставания Востока от Западной Европы после XIII в. вызваны попытки некоторых советских востоковедов непременно найти в странах Востока явления, подобные Ренессансу [Нуцубидзе, 1967; Чалоян, 1963; Конрад, 1972; Брагинский, 1976]. Однако если даже их выводы справедливы² и разные страны Востока в разное время действительно достигали того же уровня социально-экономического развития, что Западная Европа в XIV в., то вся проблема лишь несколько сдвинется во времени.

Поиски решающего фактора, выдвинувшего вперед Западную Европу, требуют исследования социально-экономической истории Западной Европы и Ближнего Востока как единого региона, объединенного не только экономическими и культурными связями средневековья, но и общностью исторического прошлого в рамках Римской империи, на фоне которой легче распознать момент и причины расхождения путей развития различных частей этого региона.

Для этой сложной работы, требующей усилий многих представителей разных специальностей, необходим сопоставимый материал по всему региону, обработанный по единой методике при одинаковой постановке задач исследования. К сожалению, востоковедение, начавшее серьезное исследование экономической истории менее полувека назад, еще не может быть равным партнером медиевистике Европы. Лишь в области изучения средневекового города Ближнего Востока в последние два десятилетия намечился сдвиг, который позволяет смелее сопоставлять некоторые аспекты городской жизни Европы и Ближнего Востока.

Востоковеды в силу характера письменных источников все-

² Критику их аргументов с позиций медиевистов-западников см. [Вайнштейн, 1957; Баткин, 1969; Рутенбург, 1975].

гда были связаны с изучением города, хотя до тех пор, пока востоковедение имело в основном филологическое направление, город был сценой, а не действующей силой истории. Средневековый город стали изучать, как таковой, только в начале нашего века, когда накопился материал по исторической топографии и появились условия для проведения археологических работ. Начало этого периода отмечает появление известной монографии Г. Ле Стренджа по исторической топографии Багдада [Le Strange, 1900] и ряда исследований по истории формирования Фустата-Каира [Guest, 1907; Casanova, 1913 (1–3)]; раскопки Самарры [Herzfeld, 1907; 1948], а затем Фустата [Bahgat, 1921] открыли историкам реальный облик двух мировых столиц средневековья.

Этот этап совпал с выделением из экономической географии комплексной науки о городе — урбанистики, ставившей своей целью «общее исследование условий и проявлений существования и развития городов» [Lavedan, 1926(1), 1]. Ее прежде всего интересовали современный город и перспективы его развития [Ratzel, 1903; Hassert, 1907], но подход к городу как к особому социально-экономическому организму со своими закономерностями возникновения и пространственного развития позволил плодотворнее исследовать и его прошлое, уже хотя бы потому, что историки впервые задумались над тем, что такое город [Maunier, 1910; Weber, 1921; Lavedan, 1926; 1926(1)].

Востоковеды не сразу восприняли методiku, выработанную урбанистами, прежде всего из-за недостатка конкретного материала. Двадцатые годы были инкубационным периодом, когда наряду с публикацией традиционных работ велось исследование городов Северной Африки и Ближнего Востока на основе нового подхода. Вышедшие в одном и том же году монографии К. Вульцингера [Wulzinger, 1924] и Ж. Марсэ [Marçais, 1924] прекрасно демонстрируют старый и новый подход к теме.

Богатый урожай историко-топографических исследований средневекового мусульманского города и городов, сохранявших средневековый облик, принесли тридцатые годы, когда появились монографии об отдельных городах [Clerget, 1934; Combe, 1933] и исследования целых областей на базе аэрофотосъемки [Rostovtzeff, 1932; Poidebard, 1930; 1934]. Очень плодотворным оказался метод реконструкции средневековой планировки по остаткам ее в живом городе, основанный на законе «устойчивости планировки», сформулированном П. Лаведаном [Lavedan, 1926(1), 211; Sauvaget, 1934; 1935; Weullersse, 1935].

Блестящим завершением этого этапа исследований была монография Ж. Соваже о Халебе, в которой не только мастерски использованы все возможности исследования территориального развития города, но и впервые в таком широком хронологическом диапазоне прослежена его социально-экономическая жизнь [Sauvaget, 1941].

Следующий этап, начавшийся в послевоенные годы, харак-

теризуется усилением интереса к социально-экономической истории Востока, в первую очередь, естественно, города. Отдельные стороны его жизни (особенно торговля и ремесленные организации) привлекали внимание и раньше, но теперь они стали исследоваться как часть целого — социально-экономической структуры города — в связи с вопросом о ее специфике, о ее отличиях от предшествующего, античного города и синхронно — западноевропейского. Впервые такая постановка вопроса отчетливо была сформулирована в статьях Г. Грюнебаума и К. Каэна, вышедших в 1955 г. [Grunebaum, 1955; Cahen, 1955].

Среди большого числа работ о городе, появившихся в следующие три года³, особенно выделяется небольшая монография К. Каэна о народных движениях и городском автономизме [Cahen, 1958 (1—2)], содержание которой гораздо шире, чем заявлено в названии. Исследование городских движений служит автору материалом для размышления о реальности «мусульманской специфики» города, внесенной арабским завоеванием, о причинах и времени расхождения путей развития ближневосточного и европейского города. Пожалуй, до этого еще никто не говорил так определенно о принципиальном сходстве византийского и мусульманского города, о второстепенности его «мусульманских особенностей» по сравнению с принципиальным единством социально-экономической структуры городов, существовавших на территории бывшей Римской империи, сохранившимся до тех пор, пока в XI—XII вв. город Западной Европы не начал развиваться в новом направлении.

Почти исчерпывающее представление об основных направлениях исследования средневекового города Востока дают опубликованные десять лет назад материалы двух симпозиумов, в которых приняли участие все ведущие историки-урбанисты, занимающиеся Востоком [МЕС; I.Cit.], и монография А. Лапидуса [Lapidus, 1967]; наконец, несколько лет назад вышли интересные исследования о социальных движениях в сирийских городах IX—XII вв. [Havemann, 1975; Hoffmann, 1975]. Менее интересны материалы Кембриджского коллоквиума 1976 г. [IC, 2].

Здесь нет возможности останавливаться на всех работах по социальной истории и экономике мусульманского города, вышедших за последние 15 лет. Несмотря на разработку отдельных аспектов и введение в научный обиход нового материала⁴, они не дают принципиально новых положений; видимо, идеи К. Каэна и Г. Грюнебаума пока соответствуют изученности ма-

териала и требуется еще какое-то время для накопления нового материала и его осмысления⁵.

Одним из серьезных препятствий дальнейшему развитию урбанистических исследований востоковедов является отсутствие четко сформулированного определения, что такое средневековый мусульманский город, без чего трудно сопоставлять его с городами других эпох и регионов. Предлагавшиеся до сих пор определения выливаются то в перечень различных путей его происхождения и функций [Pauty, 1951; Hourani, 1970, 9—10], то в перечисление его отличий от античного или западноевропейского [Grunebaum, 1955, 141—142; 1955(1), 364—365; Ashtor, 1956, 76]. Большинство же довольствуется житейскими представлениями о городе, обходясь без всяких дефиниций, что до известного предела не мешает конкретным исследованиям [Clerget, 1934; Sauvaget, 1941; Большаков, 1973; Стужина, 1979; и др.].

Крайнюю позицию в этом отношении занимает А. Лапидус, отрицающий существование на мусульманском Востоке города как особого социально-экономического организма, противостоящего деревне [Lapidus, 1969, 73—74].

Такой разброд — не специфика или отсталость востоковедной урбанистики, а отражение общего положения в исторической теории города. Понятие «город» относится к числу тех, казалось бы, очевидных истин, которые в силу своей очевидности вроде бы и не нуждаются в определении, но именно поэтому труднее всего ему поддаются: «Самые употребительные термины — всегда приблизительны» [Блок, 1973, 90].

Историки употребляют этот термин для восьми-девяти тысяч лет истории человечества, но в то же время большинство из них отрицает возможность найти единое определение, пригодное для всех этапов его развития, если только не считать характерной его особенностью отличие от деревни [Toynbee, 1970, 40; Gilissen, 1955, 8]. Признанный патриарх западной урбанистики Л. Мамфорд начинает свою всеобщую историю города такими пессимистическими словами: «Никакое одно определение нельзя приложить ко всем его проявлениям, и никакое одно описание не может охватить все его превращения от зародышевого социального ядра до сложных форм его зрелости и физического разложения преклонного возраста. Происхождение города темно, большая часть его прошлого похоронена или стер-

³ Работы советских историков о городах Закавказья, очень близких по типу ближневосточным, не имеют теоретического характера; некоторые проблемы социально-экономической истории и места города в обществе затрагивались в сводной работе о городах домонгольской Средней Азии, но и здесь недостаток фактического материала не позволил существенно дополнить выводы К. Каэна [Большаков, 1973, 132—352].

⁴ Многочисленные истории различных городов, написанные в последние десятилетия арабскими учеными (например, [Суса, 1948; Салим, 1969; Джунди, 1963, и др.]), посвящены в основном политической истории и памятникам старины.

³ Библиографию работ о мусульманском городе до 1958 г. включительно см. [Platohol, 1959; Lapidus, 1967].

⁴ Особенное значение имеет исследование экономики и общественной жизни Египта и некоторых стран Средиземноморья по документам Генизы, проведенное С. Д. Гойтейном [M. Soc.].

та так, что его невозможно восстановить, а его будущее трудно оценить» [Mumford, 1966, 11]. Г. Шюберг, рассматривавший город более узкий период (так называемый доиндустриальный город), также ушел от определения изучаемого объекта [Sjoberg, 1965]. Убеждение в том, что невозможно найти общее определение города, пригодное для всего периода его существования, разделяют как зарубежные, так и советские историки [Haase, 1969, 75; Denecke, 1973, 37; Jahnkun, 1974, 305–308; Ястребицкая, 1978, 96]⁶. Встречаются даже призывы вообще отказаться от употребления слова «город» [Andersson, 1971, 36, 39].

Действительно, существующее энциклопедическое определение города как крупного населенного пункта, «жители которого заняты главным образом в промышленности и торговле, а также в сфере обслуживания, управления, науки и культуры» [БСЭ, 7, 111; ср. сходное определение: GLE, 157], приемлемое для современной промышленной эпохи, не всегда оказывается достаточным, если учитывать все то разнообразие типов городов, которые существовали в сотнях государств за пять-шесть тысячелетий истории классового общества. Любая попытка расширить определение города, чтобы наиболее полно учесть это многообразие, приведет только к тому, что сущность его утонет в массе второстепенных признаков.

Выход надо искать в противоположном направлении — в выявлении одной важнейшей функции города, от которой все остальные являлись бы производными. Если такой функции не существует, то, действительно, бессмысленно прилагать одно и то же наименование к различным явлениям.

Автор настоящей работы предложил вместе с В. А. Якобсоном определять город как населенный пункт, основной функцией которого является концентрация и перераспределение прибавочного продукта. Преимущество этого определения перед остальными состоит в том, что оно основывается на важнейшем понятии марксистской политэкономии, определяющем характер социально-экономических отношений всех классовых обществ, а следовательно, и всех сторон жизни города⁷.

В понятие «концентрация прибавочного продукта» входит сбор налогов, получение земельной ренты и излишка продукта, образующегося вследствие неэквивалентности товарообмена между городом и деревней; а понятие «перераспределение» включает все виды торговли (за исключением прямого обмена между производителями) и все фазы движения прибавочного

⁶ Характерна дружная отрицательная реакция, которую встретило утверждение М. Я. Сюзюмова [Сюзюмов, 1968, 93] о необходимости единого определения понятия «город» [СВ, Вып. 31, 1968, с. 98, 101].

⁷ Это определение исключает возможность называть городами крупные укрепленные поселения доклассовых обществ, в которых еще отсутствовало отчуждение прибавочного продукта.

продукта от выплаты жалованья войску и чиновничеству до оплаты услуг собственниками прибавочного продукта.

Разумеется, данное определение города — не шаблон, по которому легко и бесспорно можно отрезать лишнее и не затруднять себя размышлениями, какие из конкретных населенных пунктов любого данного периода следует относить к городам, а какие — нет. Ни одно определение не может адекватно и исчерпывающе передать объективно существующее явление: «Понятие о вещи и ее действительность движутся вместе, подобно двум асимптотам, постоянно приближаясь друг к другу, однако никогда не совпадая» [Маркс, Энгельс, 39, 354]. Перед нами по-прежнему будет стоять необходимость частных определений для городов отдельных периодов и регионов, учитывающих локальные и хронологические особенности отчуждения и перераспределения прибавочного продукта, проблема отнесения тех или иных пунктов к числу городов.

Но зато мы получаем возможность поставить разрозненные и разнородные сравнительно немногочисленные сведения о социально-экономических отношениях средневекового города Ближнего Востока в определенную систему и со значительной уверенностью восполнять недостающие прямые свидетельства косвенными данными.

Предлагаемое определение снимает также старый спор о примате политико-административного или торгово-ремесленного начала в городе: оба они, будучи соотнесены с таким важнейшим понятием политической экономии, как прибавочный продукт, предстают двумя сторонами неразделимого диалектического единства.

Становится понятным и то, почему «город и цивилизация — неразделимы» [Sjoberg, 1965, 1]: все характерные проявления цивилизации (как бы разнообразно ни трактовалось это понятие) рождены появлением прибавочного продукта, концентрацией и трансформацией которого занимается город.

Признание основной функцией города концентрации и перераспределения прибавочного продукта одновременно отражает противоположность интересов города и деревни и объясняет их различия во внешнем облике и уровне жизни: город распоряжался прибавочным продуктом, поступавшим из деревни, и за его счет вел монументальное строительство, благоустраивался и имел более высокий жизненный уровень⁸.

Центральная роль города в движении и превращениях прибавочного продукта делает его чутким индикатором изменений в экономике и социальных отношениях общества. Поэтому, хотя город и составляет меньшую часть общества, изучение этой

⁸ Понятно, что прибавочным продуктом распоряжались не все горожане, а только господствующие классы, однако и остальные получали какую-то долю косвенным путем, если не в виде более высокой оплаты ремесленного труда, то в виде различных подачек, большей безопасности жизни внутри городских стен и пользования различными видами городского благоустройства.

части дает отчетливое представление о целом, тем более что в подавляющем большинстве источники, имеющиеся в нашем распоряжении, происходят из города и связаны с ним.

Для изучения интересующей нас проблемы — причин отставания Востока, начавшегося после XII—XIII вв., — наиболее интересным объектом оказываются города Ближнего Востока, точнее — тех византийских провинций, которые вошли в состав Халифата. История словно специально провела здесь эксперимент, поставив после VII в. города, ранее жившие по одним законам, в разные условия, разделив их на три группы: европейскую (в данном случае — итальянскую), мусульманскую и — в качестве контрольной группы — византийскую⁹. Сравнивая их, легче понять, какие изменения были внесены арабским завоеванием и какие явились результатом внутренне обусловленного развития. Кроме того, во время крестовых походов здесь возникла еще одна ситуация, очень важная для понимания социально-экономического строя ближневосточного города: часть городов Палестины и Сирии была поставлена в условия европейского феодализма, и сравнение их с синхронными мусульманскими городами, несмотря на всю скудость материала, может быть полезно для понимания различий структуры феодального общества Западной Европы и Ближнего Востока.

Поэтому именно на Ближнем Востоке скорее всего можно найти ключ к пониманию причин неравномерности развития Европы и Востока (в частности, опережающего развития западноевропейского города). Для этого необходимо проследить эволюцию всей совокупности социальных и экономических отношений в городах Ближнего Востока со времени арабского завоевания до момента, когда их отставание в темпах развития становится очевидным, т. е. примерно до XIII в. Провести точную границу в данном случае невозможно, но наиболее удобной условной границей является середина XIII в., точнее, период с 1250 г. (решительный перелом в борьбе с крестоносцами после разгрома под Димйатом и воцарение мамлюков) до 1258 г. (захват монголами Багдада и конец халифата), оказавший большое влияние на последующую историю.

Степень изученности городов разных районов этого региона и обеспеченность источниками сильно различаются. Лучше всего изучены благодаря трудам Ж. Соваже и его учеников и коллег города Сирии. Здесь мы знаем расположение всех городов, упоминаемых средневековыми авторами, размеры многих из них, а о нескольких крупнейших центрах имеются данные, необходимые для реконструкции средневековой планировки и суждения о росте территории [Wulzinger, 1924; Sauvaget, 1931; 1935; 1941; Elisséeff, 1970; Sourdel, 1953; и др.]. Этому в значительной мере способствовала долговечность преобладающей здесь

⁹ Византийский город после арабских завоеваний также оказался в несколько иных, чем прежде, условиях, но степень преемственности традиций была неизмеримо большей, чем в завоеванных арабами городах.

каменной застройки, которая в сочетании с подробными средневековыми описаниями Дамаска и Халеба облегчает реконструкцию средневековой планировки.

Впрочем, непрерывное существование многих городов на одном и том же месте с глубокой древности до наших дней имеет для нас и отрицательную сторону: в живом городе трудно проводить планомерные раскопки, которые могут выявить изменения его территории и плотности застройки в различные периоды истории. Поэтому археологически лучше всего изучены (если не считать античности и византийского времени) памятники Омейядов, расположенные за пределами обрабатываемых ныне земель.

Средневековые города Палестины изучались прежде всего в связи с историей крестовых походов, поэтому период VII—XI вв. почти полностью выпал из поля зрения исследователей. В какой-то мере это объясняется также недостатком сведений письменных источников об этом периоде.

Больше всего сделано для изучения городского самоуправления, ремесленно-торговых корпораций и народных движений в городах Сирии, итог этих исследований подведен в работах А. Хавеманна [Havemann, 1975] и Г. Хоффманна [Hoffmann, 1975].

В Египте хорошо изучен только один город — агломерация Каир-Фустат¹⁰, но зато объем сведений о его истории и топографии, характере средневековой застройки и экономике намного превосходит все, что мы знаем о каком-либо другом городе средневекового мусульманского Востока, не исключая Багдада. Остальные же египетские города не изучены ни археологически, ни топографически. До сих пор только об Александрии и Кусе появились монографические исследования [Салим, 1969; Garcin, 1974], но нам так и остались неизвестны размеры Куся даже для мамлюкского времени.

Такая ситуация объясняется исключительным положением египетской столицы, неизмеримо превосходившей по политическому и экономическому значению все остальные города страны: история Египта была одновременно и историей Каира, и наоборот. Никогда ни один из египетских городов не добивался хотя бы временной политической независимости. Вероятно, поэтому в Египте, давшем блестящие образцы средневековой историко-топографической литературы, не появилось таких историй городов, какие известны в Сирии, Месопотамии и Иране.

Археологическое изучение средневекового египетского города также ограничивается территорией столицы [Bahgat, 1921; Scanlon, 1965—1969; 1970], но раскопки Фустата дали материал, подобного которому нет ни для одного из средневековых городов Сирии и Палестины.

¹⁰ Результаты многолетнего изучения Каира резюмированы Ж. Абу Лугуд [Abu-Lughod, 1971].

Недостаток сведений о размерах и развитии мелких городов Египта с лихвой компенсируется избытком документов различного рода, в основной массе уже опубликованных и использованных.

Сведений подобного рода для других областей мусульманского мира не имеется, поэтому разные стороны жизни ближневосточного города нам приходится рассматривать на материале разных областей.

Все же с этой оговоркой мы можем утверждать, что по Ближнему Востоку в целом имеется материал для суждения об основных сторонах социально-экономической жизни города в VII–XIII вв., материал значительно меньший, чем по западноевропейским городам, но достаточный для сопоставления общих тенденций развития городов этих двух регионов.

Предлагаемая работа ставит целью проследить наиболее общие закономерности развития ближневосточного города указанного периода на основе марксистского понимания исторических процессов и исходя из предложенного выше определения функции города в социально-экономической структуре общества. Такой подход, на наш взгляд, позволяет по-новому осмыслить уже известные факты, дает возможность отсеять второстепенные, «экзотические» черты средневекового мусульманского города и, сопоставляя его с западноевропейским, выявить те специфические явления, которые позволили последнему шагнуть в новую социально-экономическую формацию.

Определяющее значение для решения этой проблемы имеет исследование классовой структуры городского населения, градобразующей значимости различных социальных групп, форм и норм эксплуатации. Эти вопросы, к сожалению, приходится решать сложным путем, начиная не только с установления реальной стоимости различных типов монет и уровня цен, но и с исследования количественного и качественного развития города — изменения числа городов, их размеров, численности населения и т. д., — которое занимает значительное место в данной работе.

Для нашего исследования важны три закономерности:

1. Количество городов и абсолютная численность их населения находятся в прямой зависимости от объема прибавочного продукта общества, а относительная численность горожан — от нормы эксплуатации земледельцев.

2. Размеры городов зависят от степени концентрации прибавочного продукта.

3. Чем большая часть прибавочного продукта приходится на долю государства (или государя), тем больше размеры городов зависят от их положения в административно-политической иерархии.

Эти закономерности, в той или иной мере осознаваемые и учитываемые многими исследователями, позволяют восполнять недостаток прямых данных о развитии экономики и социаль-

ных отношений изучением историко-топографического и демографического материала.

Поскольку наша работа посвящена социально-экономическим отношениям, то идеологии и религии мы коснемся только в той степени, в какой они отражают специфические взгляды определенных социальных групп.

В силу того что данная работа основывается на уже введенных в научный оборот источниках и исследованиях социальной и экономической жизни города, автор освобожден от необходимости давать обзор средневековых источников, тем более что они прекрасно охарактеризованы в ряде великолепных очерков [Cahen, 1940; Canard, 1951; Elisséeff, 1967, 1]. В тех случаях, когда потребуется выяснение специфики отдельных источников, она будет рассмотрена по ходу исследования.

За 17 лет, прошедших после первого издания этой книги, не появилось исследований, которые повлияли бы на ее основную концепцию и расчеты, на которых она построена. Это позволяет при переиздании ограничиться небольшим числом уточнений и дополнений. Существенной переделке подвергся лишь экскурс о метрологии и дореформенной монетной системе (с. 144–151); заменено примечание 37 на с. 125, переставлены примечания на с. 144–151, внесены дополнения в табл. 7. Библиография дополнена литературой, появившейся в связи с переделками. Другие, менее значительные изменения, внесенные в текст, не заслуживают особого упоминания.

Пользуюсь возможностью выразить признательность издательской фирме «Восточная литература» РАН, пожелавшей взять на себя труд по переизданию этой книги.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава 1. Ближневосточный город и арабское завоевание	16
Глава 2. Количество городов в VIII—XIII вв.	46
Города Сирии, Палестины и Египта в VIII—X вв.	46
Политическая ситуация в середине X—середины XII в.	66
Города Сирии и Палестины в XI—XIII вв.	78
Города Египта в XI—XIII вв.	84
Глава 3. Размеры городов и численность населения	98
Сирия и Палестина	109
Египет	123
Глава 4. Покупательная способность денег и жизненный уровень	142
Денежная система	143
Цены на продукты питания	160
Цены на зерно и хлеб	160
Цены на другие зерновые и на бобовые	193
Цены на растительные масла	194
Цены на скот, птицу и продукты животноводства	197
Цены на прочие продукты	202
Цены на сырье и ремесленные изделия	206
Цены на металлы	206
Цены на волокно и ткани	207
Глава 5. Движение прибавочного продукта	212
Глава 6. Социально-экономический строй города	262
Заключение	298
Список сокращений	300
Список литературы и источников	304
Географический указатель	330
Указатель понятийно-терминологический	337